

Глава 51: Ты мне нравишься

На улице было не так много пешеходов, время от времени один или два человека с зонтиками в руках в спешке проходили, никто не замечал Шэнь Цзицзе на улице. Только люди, заходящие и выходящие в интернет-кафе, бросали на него пару взглядов.

Жители города знакомы друг с другом, а Шэнь Цзицзе на первый взгляд казался чужаком. Красивый молодой человек, только начавший расти, он наполовину зрелый и сентиментальный, у него высокая фигура и красивое лицо, так что нельзя отвести от него взгляд.

У входа в интернет-кафе продавались сосиски-гриль. Шэнь Цзицзе купил две сосиски и бутылку чистой воды. Во время еды он спросил босса, где найти машину, если он хочет съездить в деревню Лунцюань.

Хозяин вытирал тряпкой пыль со стола и спросил, не поднимая головы: "Вы собираетесь в деревню Лунцюань?"

Шэнь Цзицзе кивнул и сказал: "Да."

"Деревни Лунцюань давно уже нет..." — босс медленно смахнул пыль.

"Деревня Лунцюань исчезла? — Сердце Шэнь Цзицзе упало, спрашивая. — Дядя, что ты хочешь этим сказать?"

Прежде чем босс успел заговорить, старик, сидевший рядом с ним в глубоком кресле и наблюдавший за дождем, внезапно вмешался: "Несколько лет назад оползень на горе сошёл на деревню Лунцюань, и она исчезла без следа."

Шэнь Цзицзе сжал в руке стакан с минеральной водой и спросил: "А как же люди в деревне? Что с ними случилось?"

Минеральную воду только достали из морозилки, холодные капли воды от бутылки стекали по тыльной стороне его ладони, падая на землю.

Его тон был таким взволнованным, что босс перестал вытирать и с любопытством взглянул на него. Увидев бледное лицо мальчика, он понял, что у него могут быть там родственники, и быстро объяснил: "Не волнуйся, всё в порядке, со всеми в деревне всё в порядке."

Шэнь Цзицзе глубоко вздохнул с облегчением, и его лицо смягчилось.

На другой стороне улицы несколько подростков-недоучек, накрыв головы одеждой, с криками

бросились к ним. Они, вероятно, собираясь зайти в интернет-кафе, толпились рядом с Шэнь Цзицзе, смеясь и ругаясь, одновременно ероша руками свои мокрые волосы.

"Тогда, может быть, вы знаете, куда переехали жители деревни?" — Шэнь Цзицзе отошёл в сторону, обращаясь к боссу.

Когда один из подростков услышал о деревне, он не смог удержаться и искоса взглянул на Шэнь Цзицзе, затем ткнул локтем человека, сидевшего рядом с ним, жестом призывая его посмотреть.

Босс немного подумал и сказал: "Они все переехали в деревню Юлу. Они не принадлежат нашему городу. Чтобы до неё доехать, нужно взять машину напрокат на полчаса."

Шэнь Цзицзе спросил: "Тогда ты знаешь деда Цай, деревенского старосту деревни Лунцюань? Его семья тоже переехала в деревню Юлу?"

"Зачем вы ищете группу дикарей из деревни?" — Внезапно раздался ломающийся мужской голос.

Шэнь Цзицзе повернул голову и увидел, что это был толстый мальчик примерно его возраста.

Услышав, что он назвал жителей деревни Лунцюань дикарями, Шэнь Цзицзе нахмурился, ничего не ответил, затем отвернувшись, продолжил разговор с боссом.

"Братец Толстяк, этот человек такой зануда, игнорирует тебя," — молодой человек скривил губы.

Этот толстый братец — Толстяк Чэнь, разорвавший квитанцию о денежном переводе Лу Жуна. Он собирался пригласить эту группу людей в интернет-кафе, но когда увидел, что Шэнь Цзицзе выглядит как городской, ему захотелось завязать разговор. Неожиданно тот вообще перестал обращать на него внимание, почувствовав, что он потерял лицо перед своим младшими братьями, внезапно разозлился.

"Ты ищешь деда Цая из деревни Лунцюань?" — Толстяк Чэнь подошёл к Шэнь Цзицзе.

Шэнь Цзицзе, услышав это, немедленно повернулся и посмотрел на него: "Ты знаешь его?"

"Конечно, я знаком с ним. У нас с ним хорошие отношения. Спускаясь с горы, он часто обедал с моим отцом."

"Ты его родственник?" — Толстяк Чэнь дружелюбно улыбнулся.

Услышав его слова, недовольство Шэнь Цзице от фразы «дикарь», испытываемое им ранее, мгновенно рассеялось, и он нетерпеливо спросил: "Тогда ты знаешь, где его семья сейчас? В деревне Юлу?"

Толстяк Чэнь закатил глаза: "Конечно, я знаю, но ты ещё не ответил на мой вопрос. Ты его родственник?"

Шэнь Цзице смог только ответить: "Я его родственник и гэгэ Лу Жуна."

Несколько подростков позади Шэнь Цзице, услышав о Лу Жуна, уставились на Толстяка Чэня, нахмурившись и скривив губы. Толстяк Чэнь едва заметно кивнул, он понял его.

Толстяк Чэнь оглядел его с головы до ног: "Ты из столицы? Приехал к Лу Жуну?"

Шэнь Цзице не пользовался местным диалектом, а китайский был очень стандартным, что напомнило ему о квитанции о денежном переводе, которую он разорвал раньше, где адресом указан Пекин.

В то время для ребенка не было тривиальным делом иметь больше ста юаней. Злость из-за того, что не он получил деньги, переросла в гнев, и он глубоко запомнил это. И хотя он был так напуган, что не осмеливался снова спровоцировать Лу Жуна, он мог бы немного отомстить ему за спиной, что стало бы своего рода компенсацией.

Человек, отправивший деньги, стоял прямо перед ним, и даже если это не так, неважно, в конце концов он ничего не потеряет.

Шэнь Цзице, услышав упоминание столицы, не усомнился в нём и произнёс: "Да, я здесь, чтобы найти Лу Жуна. Я его гэгэ."

"Так ты и есть тот самый гэгэ, о котором часто упоминает Лу Жун?"

Толстяк Чэнь, уже научившийся множеству социальных привычек, протянул руку и ласково похлопал Шэнь Цзице по плечу.

Шэнь Цзице неловко повернулся и стряхнул с себя толстую руку, державшую его.

Толстяк Чэнь неохотно продолжил: "Мы все знаем тебя, ведь Лу Жун часто упоминает о тебе."

Не дожидаясь, пока Шэнь Цзице заговорит, он наклонился ближе и прошептал: "Но позволь мне дать тебе совет, Лу Жун, этот парень выглядит очень хорошо, но на самом деле у него нехорошее сердце, он не должен тебя обдурить."

Шэнь Цзицзе был ошеломлен, затем его лицо вытянулось.

Толстяк Чэнь вновь заговорил: "Он часто рассказывал нам, что узнал братца из столицы. Этот человек был немного глуповат, и он несколькими словами убедил его поверить во всё. Он сказал, что они с братом не были связаны кровными узами, и не родственники, и что ты действительно считал его своим братом."

Шэнь Цзицзе не поверил ни единому слову из того, что сказал Толстяк Чэнь.

Лу Жун был таким хорошим, они были так близки друг с другом, что он не поверил бы, даже если бы эти слова слетели с уст маленького мальчика, который чище горного ручья.

Толстяк Чэнь, увидев гнев на его лице, понял, что он не верит ему, и торжественно произнёс: "Ты думаешь, я тебе лгу? Ребенок изменился и стал ужасен. Ты посылал ему деньги?"

Шэнь Цзицзе неожиданно повернул голову и холодно посмотрел в лицо Толстяку Чэню, сказав: "Не говори глупости."

Он про себя ругал Толстяка Чэня, но в глубине души был слегка шокирован.

Лу Жуну пришлось скрывать деньги даже от своего деда. Даже если бы его одноклассники знали о квитанции, Толстяк Чэнь был намного старше и, очевидно, не был его одноклассником. Если только Лу Жун сам ему не сказал, откуда он мог знать?

Несколько подростков, стоявших позади него, последовали за ним, все они выглядели искренними, с выражением сожаления на лице: "Этот ребенок действительно плохо учится в школе, он начал так себя вести после поступления в городскую начальную школу. Иначе откуда нам знать, что у него есть брат-простофиля, который присылает ему деньги?"

"Да, так что, когда ты только что сказал, что это твой диди, мы сразу поняли, что ты тот идиот."

"Ребёнок деда Цая в юном возрасте украл его деньги, вероятно, из-за влюбленности."

Некоторым подросткам, казалось, хотелось рассмеяться, но они все же сдержались и добавили: "Да, щенячья любовь."

"Щенячья любовь?" — Не удержался от деликатного вопроса Шэнь Цзицзе.

"Да, он влюбился в девочку из своего класса, — Толстяк Чэнь проговорил. — Дети очень привязались друг к другу. После школы они вдвоём, взявшись за руки, идут на набережную. На это действительно тяжело смотреть."

"Но если ты хочешь найти его, мы можем дать адрес. Сейчас он живёт в деревне Юлу и должен пересесть на маршрутный автобус, который прибудет через час."

"Да, да, его семья сейчас в деревне Юлу."

Группа молодых людей согласилась друг с другом.

После того, как Толстяк Чэнь и остальные удовлетворили себя, они вошли в интернет-кафе, Шэнь Цзицзе ещё стоял под карнизом.

Фраза о щенячьей любви спутала его мысли, и у него не хватило ума оценить подлинность этого вопроса. Подорванная самооценка молодого человека и крушение надежд оставили пустоту в его сердце.

Босс, закончивший смотреть эпизод телесериала, внезапно позвал его: "Студент, ты только что спросил меня, как добраться до деревни Юлу? Видишь, вон там стоит машина, едущая до деревни."

Шэнь Цзицзе застыл в оцепенении, никак не реагируя. Начальник, увидев его в таком состоянии, перестал обращать на него внимание, отвернулся и продолжил смотреть сериал в одиночестве.

Он не знает, как долго он стоял, но перед ним остановился фургон, и водитель с энтузиазмом спросил: "Молодой человек, вы собираетесь в город? Это последний автобус на сегодня, так что поторопитесь, если хотите поехать."

Шэнь Цзицзе очнулся и непонимающе огляделся. После того, как водитель переспросил его, он, наконец, стиснув зубы, сел в машину, не поворачивая головы.

Фургон быстро доехал до административного центра, в машине было почти пусто, из пассажиров только Шэнь Цзицзе и женщина средних лет рядом с водителем. Женщина средних лет и водитель всю дорогу разговаривали, а Шэнь Цзицзе ошеломленно смотрел на капли дождя, барабанившие по стеклу машины.

Перед ним возникло лицо Лу Жуна: "Гэгэ, это имеет значение. Все слова должны быть правдой, и предложение о браке тоже."

Шэнь Цзицзе прислонился головой к окну машины, слегка подрагивая всем своим бугристым телом.

Обещание закрепилось в его сердце. Иначе он бы не проделал такой долгий путь из-за границы и не приехал на машине в город Лунцюань на несколько дней.

Но где же Лу Жун?

Лу Жун настолько юн, что совсем не понимал этих обещаний, и он не был таким же честным, как он сам, что хранил его в своём сердце...

14-летний мальчик жил в простой среде, очевидно, простой, но, думая, что он уже знает все мирские вещи, он не понимает, что на самом деле в этом мире много грязи и злобы. Искренность и теплота чувств смылась ледяной водой, выплеснутой ему в лицо, он просто думал о побеге и хотел поскорее убраться отсюда.

Шэнь Цзицзе сразу же купил билет на поезд обратно в Пекин. К счастью, на этот раз он купил спальный вагон и больше не испытывал таких страданий, как по приезде. Но когда он лежал на кровати, его настроение сильно отличалось от того, когда он ехал в ту сторону.

На противоположной койке лежат два маленьких мальчика, оба с местным акцентом. Старшему из них чуть больше десяти лет, а младшему — семь или восемь. Это, должно быть, два брата, которые воспользовались каникулами, чтобы поехать в столицу и найти работающих родителей.

Старший брат был очень терпелив, всю дорогу заботился о своем младшем брате и резал для него яблоки. Младший брат положил голову на плечо старшего и ласково сказал: "Гэгэ, ты такой добрый."

Он заметил взгляд Шэнь Цзицзе, который жевал яблоко, и с любопытством посмотрел на него, своими большими сияющими глазами.

Шэнь Цзицзе равнодушно взглянул на него и подумал про себя: "Маленькие мальчики на самом деле лгуны."

...

Лу Жун, выслушав рассказ Шэнь Цзицзе от начала до конца, сделал шаг назад и высвободился из его объятий.

Его тёмные глаза затуманились, он был немного огорчен и опечален, когда спрашивал: "Почему ты так легко веришь тому, что говорят другие? Почему бы тебе не прийти ко мне? Я никогда не лгал тебе, все эти слова — ложь. Он случайно обнаружил квитанцию о переводе, потому что хотел забрать у меня деньги, но я не согласился отдавать их. Я не влюблялся в маленькую девочку, ничего подобного не было. Раз ты доехал до города Лунцюань, почему не приехал и не спросил меня?"

Он вспомнил, что Толстяку Чэнь всегда нравилось заирать городских детей, он пошёл работать, проучившись всего один год в средней школе. Говорят, он попал в тюрьму за

совершение каких-то преступлений. Они с Шэнь Цзице никогда не знали друг друга, но как тот мог поверить ему после такого короткого разговора?

Шэнь Цзице протянул руку, чтобы обнять Лу Жуна, но его с горечью оттолкнули. Он пошевелил пальцами и, посмотрев в покрасневшие глаза Лу Жуна, остановился, прошептав: "Только когда я покинул город, я понял, что был одурачен этим Толстым Чэнь. Поскольку они сказали, что твоя семья переехала в деревню Юлу, которая находится в часе езды от города Лунцюань, как бы ты мог учиться в начальной школе этого города и как бы они тебя узнали?"

"Кроме того, ты совсем не такой ребенок, как ты мог стать таким. Ты мог влюбиться, но украсть дедушкины деньги точно не мог..."

Лу Жун повернул голову, чтобы посмотреть на него, его глаза были холодны, и Шэнь Цзице снова изменил свои слова: "Влюбиться точно не мог..."

"Тогда почему ты не стал искать меня позже?" — Лу Жун упрямо отвернулся в сторону, жалуясь.

Шэнь Цзице сказал: "Мои родители не разрешили мне снова возвращаться в Китай. Они отправили меня в школу со строгим режимом. Моя учеба тяжеловата, поэтому у меня не было шансов найти тебя вновь. Задержка составила столько лет."

"А после окончания школы? Ты не искал меня после окончания школы, — Лу Жуна было не так-то легко одурачить, и он сразу же спросил. — Ты, очевидно, всё ещё не веришь мне, ты ненавидишь меня."

Шэнь Цзице опустил голову и некоторое время молчал, а затем сказал: "Я верю тебе. Я не забуду того, что мы пережили вместе, и того, что сказали, и ты тоже определенно не забудешь этого. Просто в то время ты был слишком мал и не понимал смысла этих обещаний, поэтому я немного волновался, думая, что если ты не будешь приставать ко мне, то сможешь полюбить других, когда вырастешь, я был бы рад за тебя..."

"А как насчет тебя? Какие чувства ты испытываешь ко мне сейчас?" — Лу Жун повернул голову и мгновение смотрел на него тёмными глазами.

Глядя в такие ясные глаза, Шэнь Цзице не мог произнести тех банальных слов, что он запомнил, чтобы сохранить лицо, если бы его отвергли.

Он тихо сказал: "Если предыдущие слова были всего лишь простым обещанием, то в первый раз, когда я увидел тебя вновь, я понял, что ты всегда будешь для меня особенным."

Произнеся эти слова, он протянул руку, дабы коснуться лица Лу Жуна, нежно потер его, проявляя всяческую заботу.

На этот раз Лу Жун не стал уклоняться, просто смотрел на него, затаив дыхание.

Глаза Шэнь Цзицзе горели, и в них было нескрываемое волнение, он тихо произнес: "Теперь это обещание обрело новый смысл..."

Шэнь Цзицзе узнал Лу Жуна с первого взгляда.

Он стоял в его кабинете, одетый в обычную футболку и брюки, на ногах у него кроссовки, которые нельзя назвать фирменными.

В его одежде, закрывающей всё тело с ног до головы, нет ничего особенного, он не мог быть более обычным. Но сам он был подобен прозрачному кристаллу, отражающему ослепительный свет, от которого у Шэнь Цзицзе мгновенно перехватило дыхание, а эмоции захлестнули его подобно цунами.

"Жун-Жун, прости... — Шэнь Цзицзе пристально посмотрел на него. — Ты такой искренний и прямолинейный, но я избегал этого. Ты мне нравишься. Я отношусь к тебе не как к брату, а как к своему возлюбленному, к тому, с кем хочу разделить всю жизнь."

Дыхание Лу Жуна постепенно стало прерывистым, на его лице появился тонкий слой красноты. Он тупо посмотрел на Шэнь Цзицзе, его глаза были как у пьяного, одновременно затуманенные и блестящие.

Сначала Шэнь Цзицзе хотел спросить, как он себя чувствует, но почувствовал, что в этом нет необходимости, поэтому вздохнул и крепко обнял этого человека.

Он чувствовал мягкое тельце в своих объятиях, его тело пылало, а кровь циркулировала быстрее. Сделав глубокий вдох, он приподнял рукой подбородок Лу Жуна и быстро поцеловал его в губы.

Тело Лу Жуна обмякло и соскользнуло вниз, он слабо поднял голову. Шэнь Цзицзе крепко обнял его, поддерживая его соскользнувшее тело, он воспользовался ситуацией и проникнул своим тёплым кончиком языка в разжатые зубы.

Лу Жун хныкал и задыхался, и мог только звать своего гэгэ снова и снова в промежутке между поцелуями. И этот сломанный и фальшивый голос мгновенно поглощался Шэнь Цзицзе.

...

Спустя долгое время они расстались, крепко обнимая друг друга и успокаивая учащенное сердцебиение и дыхание. Только тогда Лу Жун осознал, что Шэнь Цзицзе прижал его к стенке чемодана, а одна из его рук покоилась у него на затылке.

"Гэгэ..."

Он что-то пробормотал, и его голос был таким сладким, словно он кокетничал и молил о пощаде, глаза Шэнь Цзицзе потемнели, услышав его.

Он с трудом, сохраняя рассудок, протянул руку и вытер слюну с губ Лу Жуна, вновь чмокнул его в красные и опухшие губы и произнёс хриплым голосом: "Жун-Жун, давай сначала найдем выход. Эта иллюзия слишком странная. Я боюсь, что она станет опаснее, если мы останемся здесь дольше."

Лу Жун всё ещё продолжал кокетничать, не зная, как себя вести: "Гэгэ..."

Шэнь Цзицзе уронил голову на руки, прислушиваясь к бешеному биению своего сердца, и неуверенно произнёс: "Не называй меня гэгэ, иначе мы не выйдем."

Они оба были крепко прижаты друг к другу и чувствовали запах и дыхание друг друга. Лу Жун, что-то почувствовав, наконец, закрыл рот с покрасневшим лицом.

Шэнь Цзицзе отпустил его руку и немного неловко повернулся боком, чтобы успокоить свои чувства и тело. Лу Жун отошёл в сторону, украдкой взглянул на него и тут же быстро отвёл взгляд.

Атмосфера одновременно стала неловкой и приятной.

Через некоторое время Шэнь Цзицзе, пришедший в себя, быстро перепрыгнул через край чемодана, подтянул Лу Жуна на стенку и, протянув руки, поднял его на руки.

Лу Жун, очевидно, мог самостоятельно подняться и спуститься, но в тот момент он был слишком хрупок, ему пришлось дважды робко коснуться его, опасаясь упасть, прежде чем броситься в объятия Шэнь Цзицзе.

Рядом с мужем он мгновенно превратился в маленького ребёнка.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326880>